

Мой замечательный дядя, ботаник, натуралист, поэт зелёного мира Н. М. Верзилин

Мамина двоюродная сестра Татьяна Николаевна Варасова вышла замуж за учителя биологии Николая Михайловича Верзилина.

Он очень любил свое дело и многого добился в своей специальности.

Николай Михайлович Верзилин стал известен не только как педагог, но и ученый-натуралист, путешественник и детский писатель.

На встречах со школьниками в Доме детской книги его могучая фигура мощно возвышалась в аудитории, заполненной детьми. Вот это настоящий писатель, настоящий путешественник! Густая шевелюра, отливающая бронзовым блеском, выпуклые глаза, словно он видел сразу всех и все, и удивленно взлетевшие брови.

Ребята, смотревшие на него во все глаза, ждали от него чуда. И этим чудом были его книги, выходившие одна за другой. Книгу «По следам Робинзона» знали все юные читатели всех возрастов.

Они были уверены, что Николай Михайлович сам был Робинзоном, таким неожиданным он им казался.

Он и был в действительности неожиданным и необычным. Член-корреспондент Академии педагогических наук, работал в Институте усовершенствования учителей рядом с издательством «Детская литература». Из одной двери выйдет, в другую войдет.

И жил близко, на улице Чайковского. Дома у него порядок, тишина, пишущая машинка, книги.

Главное же — замечательная помощница — жена, Татьяна Николаевна. Она преподавала русский язык и литературу, знала и любила стихи, поэзию.

Все удивлялись, как Николай Михайлович успеваешь столько работать и еще писать? А он отвечал, улыбаясь: «У меня есть помощница, волшебная Василиса Премудрая. Все, что необходимо для работы —

фотографии для книги, исторические справки — все приготовлено, разложено на письменном столе, только садись и пиши».

Меня завораживала какая-то сияющая чистота в их доме. Тетя Таня всегда была причесана, нарядно, но по-учительски строго одета, приветливо принимала всех приходивших.

Тетя Таня учила меня музыке, я старалась приходить, когда не было Николая Михайловича, чтобы ему не мешать.

Но если я заставляла Николая Михайловича, он сразу же активно вмешивался в музыкальное обучение, поправлял и поощрял.

Подарил красную папку для нот, которая мне очень нравилась, и старинные ноты для начинающих. На первой странице этого детского альбома фортепьянных пьес красовались «Козел пошел в огород» и «Ванька, не шали».

Когда Николай Михайлович заставлял нас за фортепьяно, он строго спрашивал:

— Что, опять козел пошел в огород? Как, уже нет? Сегодня не пошел? А-а, так сегодня и Ванька не шалил, что ли?

Когда я сыграла «Полонез» Огинского, он шумно обрадовался:

— Ну, наконец-то, до музыки дошли. Теперь в четыре руки. Таня, она (то есть я) уже может в четыре руки?

Я уселась рядом с тетей Таней исполнять в четыре руки галоп «На острова», помещенный на последней странице этого альбома.

Когда наступала очередь «моей партии», Николай Михайлович командовал:

— Стукни вот здесь, стукни сильнее...

Много лет спустя, когда я защищала кандидатскую диссертацию в университете, Николай Михайлович пришел на защиту. Подошел ко мне и, глядя на меня сверху вниз чуть насмешливо и подбадривающе, сказал: «Ну, стукни, да посильнее, пожалуйста»...

Гости любили приходить к Верзилиным. Всякому случаю были рады навестить их: в Татьянин ли день, в День учителя, в Женский день и в любой другой день.

Интересно отмечался у них выход в свет каждой новой книги Николая Михайловича. Стол накрывался белоснежной скатертью, зажигались свечи, вкусные зеленые яства возвышались на блюдах.

В центре этого пиршества ставилась возле свечей раскрытая на самой увлекательной картинке именинница — только что родившаяся и увидевшая свет новая книга Николая Михайловича Верзилина.

На главном месте за столом возвышался сам автор. Рядом с ним его жена, а по обе стороны два сына — старший Николай и самый маленький член семьи Никита Верзилин. Приглашались родные, друзья, ученики, бывшие и настоящие; а также редактора книги, ее художники-оформители.

Рождение книги превращалось в настоящий праздник, интеллектуальное торжество, оформленное художественно, с душой и выдумкой.

Книгам в этом доме, именно книгам, а ничему бы то ни было другому, отводилось особое, почти священное место — ведь это жизнь человеческого духа, увлекательные знания, музыка русского языка, а главное — это культура!

Тетя Таня садилась за рояль, а Николай Михайлович читал стихи собственного сочинения, воспевавшие все прекрасное на земле. И на все хватало времени.

«Нет времени» — это лишь отговорка «ленивых и нелюбопытных».

Николай Михайлович ко всему еще и поэт-лирик. В его стихах звучала «песня», посвященная душистым цветам и красивым плодам «зеленого царства», этого главного украшения планеты Земля в бесконечном мире Вселенной.

Но не только это трогало сердце поэта, путешественника и исследователя — рядом с ним шла по жизни его верная подруга — жена. Большинство его стихов посвящалось ей. За плечами десятилетия прожитые вместе.

И такой задушевностью веяло от этого дома, где царил свет любви и вдохновенного труда...

Открытый, общительный, Николай Михайлович много писал в соавторстве, в том числе с членами своей семьи.

С женой выпустил сборник «Ленинград в поэзии» (1972 г.), с сыновьями Николаем и Никитой — пособие для учителей «Биосфера, ее настоящее, прошлое и будущее» (1976 г.).

Когда на конференциях или на встречах с читателями приходилось слушать Николая Михайловича, то казалось, что он, такой громкоголосый, со своими как будто удивленно поднятыми бровями, утверждал великую истину: «Да, мир удивителен и прекрасен! Я всегда говорил это! И после меня это будут говорить мои книги!»

По природе своего дарования Николай Михайлович Верзилин был человек-кудесник. Умел создавать из научных истин целые поэтические сказания о появлении растений на земле, об их жизни и тайнах, о том, как человек научился их использовать, распознав их полезные свойства.

Полюбившиеся читателям книги Верзилина наполнены ценными сведениями и мудрыми поверьями разных народов о питательных и лечебных свойствах растений, начиная от комнатных «оконных» и кончая дикорастущими, встречающимися в лесных массивах, горах, даже в пустынях.

Николай Михайлович любил повторять слова И. В. Мичурина: «Заветной мечтой моей всегда было, чтобы люди останавливались у растений с таким же затаенным дыханием, с каким останавливаются они перед незнакомым самолетом или неизвестной конструкцией машины».

Для него самого все началось, как он нередко рассказывал, с книги Даниэля Дефо, английского писателя, который выпустил в свет свою книгу в 1719 году. Она имела непривычно длинное для нас название: «Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо, моряка из Йорка, прожившего двадцать восемь лет в полном одиночестве на необитаемом острове у берегов Америки, близ устья реки Ориноко, куда он был выброшен кораблекрушением, во время которого весь экипаж корабля, кроме него, погиб, с изложением его неожиданного освобождения пиратами, написанные им самим».

Книга Верзилина «По следам Робинзона», вышедшая после окончания Великой Отечественной войны, пользовалась большим спросом.

Когда война только началась, Верзилину было поручено отвечать за эвакуацию ленинградцев в Кировскую область.

В 1943 году, в то время как блокадный Ленинград мучительно преодолевал испытания голодом, Верзилин издал тоненькую, но очень нужную тогда книжечку, обращенную к детям и помогавшую им выжить — «Лечебница в лесу».

Отдельной главой она вошла затем в книгу «По следам Робинзона». Важно, — считал Николай Михайлович Верзилин, — что Робинзон не только жил на необитаемом острове, но то, что, находясь среди природы, выжил.

Такой подход к старому сюжету являлся призывом к активной дружбе с природой.

Но Робинзон мало знал о природе, — оговаривался автор. «Сокровища, не использованные Робинзонами», — так назвал он первую главу своей книги.

Теперь наука знает значительно больше. Современный человек может преодолеть все трудности, ориентируясь в растительных богатствах леса. В лесу есть все, что нужно для человека.

В 1974 году книга «По следам Робинзона» появилась на книжных прилавках уже 5-м изданием.

«Дружба с деревьями», «Кольцо ведьм», «Лесная канцелярия», «Напутствие лесным бродягам», — вот некоторые из ее разделов и глав.

Книги Н. М. Верзилина — это путешествия во все еще остающийся непознанным «зеленый мир» и одновременно наглядные методические пособия. Они сразу же поступали на «вооружение» учителей по естественным дисциплинам.

Когда я училась в школе, «ботанику» у нас вела заслуженная учительница Павла Васильевна Михайлова. Занимались мы по учебникам Н. М. Верзилина.

Неукоснительно выполнялись все его методические советы и рекомендации. У нас был школьный садик, живой уголок, мы даже ходили на колхозную ферму, где коров доили под музыку.

Я рассказала об этом Николаю Михайловичу, он шумно прореагировал: «Таня! Они вышли на мою методику, надо обязательно познакомиться!» — и пообещал прийти на урок.

К распорядку его дня, к занятиям за письменным столом, к каждой свободной его минуте в семье относились трепетно.

Человек чрезвычайно занятый, он был профессором Ленинградского педагогического института имени Герцена;

организатором Педагогического общества и руководителем его секции биологии в Ленинграде;

председателем Методической комиссии Министерства просвещения СССР;

членом Проблемного совета АПН СССР по педагогическим аспектам охраны природы;

состоял членом всевозможных советов, ученых, специальных, методических; научно-методических и диссертационных.

Рассчитывать, что он придет к нам в школу, не приходилось.

Но он пришел. Посмотрел все те «редкие» (в действительности во все не редкие) растения, которые мы выращивали на школьных окнах.

Подарил свой учебник с дарственной надписью.

Затем наша учительница с беспокойством стала ему рассказывать, что у нас не растет бегония, если ее высаживать из орнаментально разрезанного листа, как рекомендует в своей книге Николай Михайлович. Что же делать?

И тогда Николай Михайлович с самым серьезным лицом, наморщив брови, громогласно объявил:

— Не получается? Значит, не делайте, как Верзилин пишет, делайте, как считаете нужным. Не все то слушайте, что он говорит.

На нас и нашу учительницу это произвело впечатление.

— Только таким образом, — добавил он с тем же, почти грозным видом, — вы откроете свои собственные творческие тропинки, идущие дальше рекомендаций Верзилина.

Из старательных копиистов мы превращались в первопроходцев, ищущих и главное — находивших свои собственные пути.

В следующую минуту он уже вынимал из своего огромного кожаного портфеля конфеты марципаны. Тогда мы и не слыхивали о таких заморских сладостях.

Каждый получил по марципановой собачке, лошадке, марципановому поросенку и надолго запомнил эту встречу с известным ученым, писателем и учителем наших учителей.

Только один перечень книг писателя показывает, как стремительно ему удавалось покорить широкий круг читателей:

1943 — Лечебница в лесу;

1946 — По следам Робинзона;

1949 — Путешествие с домашними растениями;

1952 — Растения в жизни человека;

1955 — В саду Мичурина (в соавторстве с В. М. Корсунской);

1956 — Тропинка в лес (в соавторстве с Всеволодом Рождественским).

Не менее напряженно он продолжал работать вплоть до самой смерти в 1984 году, в котором вышла его автобиографическая книга «Учитель биологии». Он рассказывал в ней, как работал в начальных классах сельской школы, затем еще совсем молодым был репрессирован.

Завершил свой жизненный путь вершинами научной и просветительской деятельности, создав новый жанр книги — «научно-художественный».

Создал новый тип учебной литературы — увлекательное внеклассное чтение, столь захватывающее, что оно притягивало тогдашних школьников намного сильнее, чем современных подростков — сериалы детективов и триллеров.

В том же, последнем году жизни писателя, вышло 7-е издание книги «По следам Робинзона». Она принесла славу своему автору. Она сопутствовала ему переизданиями на протяжении всей его жизни и, послав свой прощальный свет в год его смерти, по-прежнему переиздается и сейчас.

Книги Верзилина рассказывают о растениях, природе и культуре разных стран и служат тем самым сближению разных континентов, национальностей и вероисповеданий...

С большим интересом дети и взрослые узнают из книг Верзилина историю распространения чая. Даже само слово «чай» указывает на его происхождение из Китая.

Долгим путем шел чай из Китая через Кяхту на Нижегородскую ярмарку, а оттуда по всей России. Почти год везли чай на верблюдах, саниах, телегах, плотах, паромах.

Повествует Верзилин и о судьбе дуба на российской почве, искусственные посадки которого предпринял еще Петр I. Они, посаженные 300 лет назад самим царем, покореженные временем, все еще высятся сегодня, обнесенные предохранительными чугунными решетками. В Сестрорецке под Петербургом сохранилась целая дубовая роща — «Петровские дубки», ныне охраняемая ЮНЕСКО.

Венком из дубовых листьев награждали в Древней Греции за спасение жизни, храбрость в бою, за спортивные победы.

Изображения листьев дуба часто встречались в геральдике, гербах знатных дворянских фамилий. Дубовые ветви в оформлении мемориалов служат символом мужества.

Приведенные в книгах Верзилина сравнительные таблицы содержания полезных веществ в дубе актуальны и сегодня. Писатель знакомит с открытием клеточного строения дубовой пробки, с которого началось открытие и изучение клеточного строения живых организмов.

Он словно распахивает двери в кладовые органической природы, открывая ее тайны перед непосвященным читателем.

Из его книг явствует также, что развитие естественнонаучных достижений самым тесным образом связано с развитием культуры различных народов мира.

Писатель часто получал отзывы читателей на свои книги.

Многим из них нравилось, как автор рассказал о «царице цветов» и о войне, которая началась в 1455 году в Англии, получив название войны «Алой и Белой розы».

Поводом для нее послужило избрание короля на английский трон. Собрание лордов, споривших между собой, происходило в парке Темпл, где цвело много алых и белых роз. Спорили два древних английских рода — Йорки и Ланкастеры.

Ричард Плантагенет, представитель дома Йорков, сорвав с куста белую розу, предложил сделать то же самое тем, кто хочет видеть его королем.

Сторонники Ланкастеров сорвали красные розы и прикололи их к шляпам.

Белая и красная розы перешли на гербы замков, на щиты и знамена.

Началась Тридцатилетняя война под знаменами Алой и Белой розы.

После выхода в свет книги «Путешествие с домашними растениями» стол писателя был буквально завален листочками из школьных тетрадок с неразборчивыми детскими каракулями.

Оказывается, ребята сначала представляли эту войну как сказочную войну цветов, и только прочитав книгу, восстановили реальное представление об исторической серьезности того повода, из-за которого три десятилетия шла кровопролитная война.

В лондонском парке Темпл, — завершал свое повествование Верзилин, — долго еще сохранялись два исторических куста роз — белый и красный.

Но английские садоводы вывели особый сорт розы с белыми и красными лепестками одновременно и назвали его «ланкастер-йоркский». Теперь розы уже не могут быть знаменем воюющих партий.

Особое место занимают книги Николая Михайловича, написанные им как воспоминания о собственных путешествиях по странам

мира: «Сады и парки мира» (1961 г.) и «Пылинки дальних стран» (1969 г.).

Интересно, что в этих книгах ставятся вопросы, которые решал академик Дмитрий Сергеевич Лихачев — сады и парки как выражение историко-культурных традиций разных стран и целых цивилизаций.

Николай Михайлович занимался многообразием растительного мира и приходил к тем же самым проблемам экологии.

В 1960-е годы он выступил с этим перед сотрудниками Городского экскурсионного бюро. Происходила встреча возле Оранжереи в Нижнем парке Петродворца. Длилась недолго, но многие специалисты, бывшие тогда экскурсоводами Петергофа, Павловска, Ораниенбаума, помнят ее до сих пор.

Перед ними заново раскрылся такой знакомый, ни с чем несравнимый мир русских усадеб и деревенских огородов. Здесь и ягодные кусты, и яблоневые посадки, и огородные овощи.

Два маститых ученых занимались одними и теми же вопросами. У них были разные подходы, но ратовали они за одно — за сохранение драгоценного зеленого массива нашей планеты.

Да и манеры выступления были совершенно различны. Когда Лихачев начинал рассказывать о парке «Монрепо» в Выборге, этом образце дворянской садово-парковой культуры, казалось, он воскрешал даже голоса тех, кто некогда прогуливался по его ухоженным дорожкам. Слышалась мелодичная речь Анны Петровны Керн, которой Пушкин посвятил свое стихотворение «Я помню чудное мгновенье».

Верзилин же обращал внимание на любой «зеленый листочек». Каждое растение рассматривалось им как дар природы.

Я — пскович, скобарь, — говорил он, — и горжусь своим простым происхождением. Люблю землю и все, что на ней может произрастать полезного.

Он всегда призывал: Берегите зеленое насаждение! Берегите каждый кустик, каждую веточку, каждый листок — это ваши самые добрые друзья и ваши лекари, если вы живете в больших городах.

В книге «Сады и парки мира» увлеченно рассказывал о садах «Тысячи и одной ночи», об «Игрушечных парках», а также о «Парках мечтателей» и о «Празднике цветов в вашем саду».

«Прочитав Вашу книгу, — признается одна из читательниц, — я захотела стать архитектором по озеленению городов».

Были и курьезные случаи. Один из школьников написал, обращаясь к известному ученому: «Ув. Ник. Мих.! Вышлите мне ваш чертеж полки для оконных цветов, а так же самих цветов».

Николай Михайлович знал и любил не только российские растения.

Его книга «Пылинки дальних стран» раскрывает историю садов и парков разных стран земного шара.

Эпиграфом взято четверостишие Александра Блока:

Случайно на коже карманов
Найди пылинку дальних стран —
И мир опять предстанет странным,
Закутанным в цветной туман!

Из этих поэтических строк Блока и появились «пылинки» в названии книги о путешествиях автора.

Верзилин посетил страны самых разных «цветных туманов».

В краю викингов и троллей бережно хранятся ладьи IX–X веков. Корпус такой ладьи с задраным закругленным носом — 39 м, ширина — 11 м. При общей вместимости в 800 т на борту провианта для людей и собак на 5 лет. Цифры впечатляющие!

Традиции навигационной культуры древних викингов использовали скандинавские исследователи Северного и Южного полюсов Фритьоф Нансен и Роальд Амундсен.

Со страниц книги Николая Михайловича Верзилина встают образы и судьбы этих отважных путешественников, боровшихся с ледяными глыбами, достигавшими такелажа корабля и «напрягавшими все силы, чтобы истереть корабль в порошок».

Нам, вступившим в начале XXI века в «северное измерение», необходимо познакомиться с природой и культурой наших «северных соседей».

О культурных традициях Востока рассказал Николай Михайлович в главе «Как я был японцем».

Чтобы стать настоящим японцем, надо почувствовать красоту самой высокой японской горы — Фудзияма, вершина которой всегда покрыта снегом.

Но до 2700 м на ней богатейшая растительность — пальмы, бамбук, ели, более 1200 видов растений. Весной вокруг Фудзиямы распространяет тонкий аромат цветущая сакура.

Надо посетить японский отель, где все выдержано в едином национально-художественном стиле.

Для каждого туриста там заготовлено даже традиционное японское кимоно. Милости просим.

Нарядившись в японские одежды, отведав японские блюда, вкушив тончайшие ароматы японских букетов, вы не сможете не почувствовать себя японцем.

Эти недолгие, но яркие превращения в «японца», в «викинга», во «флорентийца времен Данте» оставляют незабываемое впечатление.

Перелистывая страницы с «пылинками дальних странствий», мы познаем мир, научаемся понимать и уважать культурные традиции других народов.

Заканчивая воспоминания о Николае Михайловиче Верзиле, воскресившем на страницах своих книг культурные традиции «Востока» и «Запада», хочется вспомнить слова древнего китайского философа Конфуция: «На небесной сфере столько звезд, сколько людей на Земле, но не каждый земной путь освещен светом звезды».